

Влияние миграции на демографическое и этноструктурное развитие российского села

Ю.Г. БЫЧЕНКО*, В.Л. ШАБАНОВ**

***Быченко Юрий Григорьевич** – профессор, кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский государственный социально-экономический университет. Адрес: 410003, г. Саратов, ул. Радищева, 89. E-mail: bychenkoug@gmail.com.

****Шабанов Виктор Леннарович** – старший научный сотрудник, Институт аграрных проблем РАН. Адрес: 410012, г. Саратов, ул. Московская, 94. E-mail: vic35@inbox.ru.

Миграция является важнейшим фактором демографического развития современного российского села, оказывающим существенное влияние на динамику численности сельского населения и тенденции его расселения, на его половозрастные характеристики и этническую структуру.

На основе материалов переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. проведен анализ динамики размера сельских поселений в зависимости от их людности и административного статуса. Выявлены тенденции – локальные миграционные потоки от периферийных сел к центрам сельских поселений и ускоренная депопуляция малых сел. Данные тенденции способствуют выведению из культурного и хозяйственного оборота значительных территорий и концентрации населения в крупных селах. Определено, что миграция из села – более молодая, образованная, «женская» и «русскоязычная», ухудшает социально-демографическую и гендерную структуру сельского населения, способствует тенденции его этнического замещения.

С использованием полных массивов данных похозяйственных книг двух сельских поселений Саратовской области со смешанным населением проведено сопоставление социально-демографической структуры и уклада жизни принимающего сообщества и этнических мигрантов. Выявлена большая приспособленность этнических мигрантов к сельской среде обитания благодаря доурбанистическому демографическому поведению, доминированию традиционных ценностей, большим семьям с сильной взаимной поддержкой, приверженности самостоятельной занятости в малом и среднем бизнесе.

Ключевые слова: миграция, естественный прирост, динамика численности сельского населения, сельское расселение, половозрастная и этническая структура сельского населения, социальная адаптация

Демографическое и этноструктурное развитие села зависит от двух факторов – естественного прироста населения и миграции. После 1991 г. естественный прирост сельского населения в России остается стабильно отрицательным, и относительно высокая по сравнению с городом рождаемость не обеспечивает его простого воспроизводства. Положительный общий прирост сельского населения России с 1990 г. наблюдался только в 1991–1994 гг.; основной вклад в него вносила миграция, причем в 1991–1993 гг. сельский миграционный прирост обеспечивался как за счет передвижений в пределах РФ (38%), так и за счет миграционного обмена с зарубежными странами (62%). Следует отметить, что миграция из сел в города – характерная черта любого поступательно развивающегося общества, и тогда рост сельского населения обеспечивается за счет естественного прироста. Преобладание противонаправленного потока, как наблюдалось в 1991–1993 гг., свидетельствует о системном кризисе, при котором масса горожан, как правило, недавних сельских жителей, устремляется обратно в село, чтобы пережить там трудные времена.

С 1994 г. в пределах РФ отмечалась миграционная убыль из села, перекрывавшаяся до 1999 г. значительным по величине миграционным притоком из зарубежных стран. Пик последнего пришелся на 1994 г., когда в российские села из-за рубежа прибыло почти 324 тыс. чел., после чего переселение стало сокращаться, достигнув минимума в 2003 г. (8,6 тыс. чел.); последовавший затем рост уже не превысил масштаба отъезда сельского населения в города, как это наблюдалось в 1994–1999 гг.

Необходимо отметить и такой искусственный вклад в динамику численности сельского населения как перемена категории населенных пунктов: в течение 1990–2009 гг. трижды (в 1990, 1998 и 2007 гг.) были произведены «в пользу» города административно-территориальные преобразования; они способствовали механическому росту городского населения на 158,3 тыс. чел. Село же за указанный промежуток времени «приросло» почти на 2,3 млн жителей (около 6% от численности сельского населения на 2009 г.). Именно административными решениями объясняется рост сельского населения в 2004 г., неожиданный в условиях отрицательного естественного и миграционного приростов: в этот год около 694 тыс. горожан, не меняя местожительства, стали сельскими жителями [Демографический ежегодник России 2010, с. 94, 28, 406–407].

Прогнозные оценки численности сельского населения РФ, сделанные демографами, существенно разнятся. Наиболее оптимистичную оценку дает Росстат: согласно среднему варианту его прогноза, основанного на методе передвижки по возрастам, численность сельского населения России к 2030 г. составит 37 млн, то есть снизится на 3% по сравнению с 2010 г. [Демографический ежегодник России 2010, с. 25, 499]. Прогноз ООН, по-видимому, наиболее пессимистичный: по оценкам ее экспертов, российское село ждет существенная убыль населения – до 27 млн к 2050 г. [World Population...2001, p. 29]. Сценарный прогноз, представленный Т.В. Блиновой, Р.П. Кутенковым, С.Г. Былиной [Блинова, Кутенков, Былина 2005, с.111–115], как и прогноз Росстата, основан на методе передвижки по возрастам. Базовый, пессимистический и оптимистический сценарии в нем даются в зависимости от предполагаемых тенденций изменения показателей рождаемости и смертности во всех возрастных группах. Полученные прогнозные значения варьируются от 28,3 млн до 35,2 млн сельских жителей к 2035 г.

Одним из наиболее существенных факторов, ухудшающих точность прогнозов численности населения, является сложность учета миграции, значения которой

гораздо менее предсказуемы, чем значения рождаемости и смертности. В модели Росстата, наряду с оценками тенденций рождаемости и смертности, также производится оценка тенденций миграции. В модели [Блинова, Кутенков, Былина 2005] миграция фиксируется на уровне года начала прогноза (2004 г.) и подчеркивается, что ее прогнозирование «представляет самостоятельную задачу» [Блинова, Кутенков, Былина 2005, с. 113].

Динамика сельского расселения в целом и на региональном уровне под влиянием миграции

Безусловно, убыль населения в сельской местности происходит неравномерно и неодинаково затрагивает различные социально-демографические группы; между размером села и потерей им населения существует обратная зависимость, также наблюдается тенденция к концентрации сельского населения в более крупных селах.

В *таблице 1* и на *рисунке 1* с использованием результатов переписей населения 1989, 2002, 2010 гг. приведены группировки 2-х показателей – количества сел и населения в селах – в зависимости от их людности (от числа жителей). Для удобства восприятия показатель людности, откладываемый по оси абсцисс, представлен в логарифмической шкале. В противном случае левая часть кривых показателя «количество сел», соответствующая самым малолюдным населенным пунктам, была бы резко устремлена вверх на очень малом интервале, демонстрируя их непропорционально значительное количество по сравнению с более людными населенными пунктами.

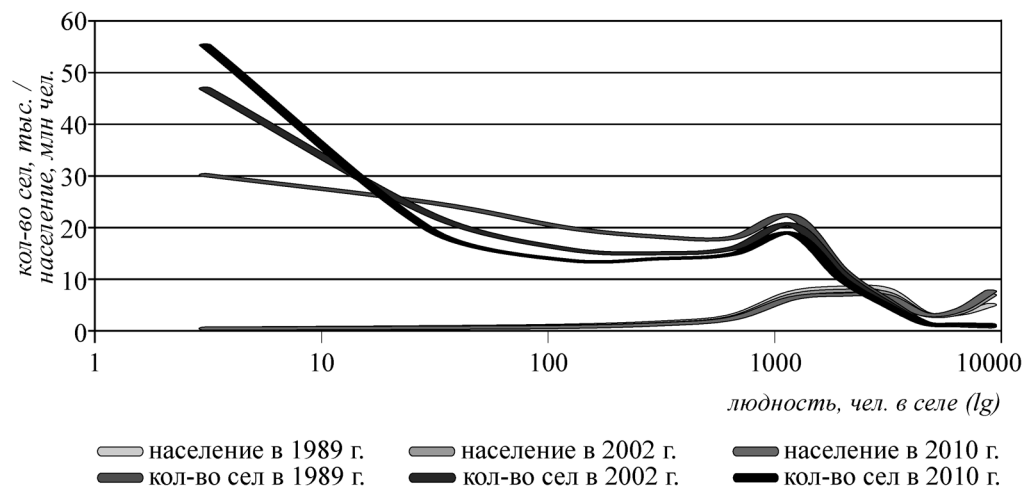

Рисунок 1. Кривые зависимости показателей «количество сел» (расположены «выше») и «население в селах» (расположены «ниже») от показателя «людность села»

Как видно из *рисунка 1*, с течением времени сильно возрастает число самых мелких сел с населением до 10 чел. – из-за частичного учета сел без населения во время переписей и за счет измельчания сел большего размера (от 10 до 2–3 тыс. чел.). При этом чем крупнее село, тем выше его шансы не оказаться в более низкой интервальной группе: количество сел с 2–3 тыс. жителей почти не изменилось, а число более крупных даже возросло (хотя решающий вклад в этот рост, скорее всего, внесли административные решения по смене категории населенных пунктов).

Таблица 1. Группировки количества сел и населения в них в зависимости от людности

Ин-тервал люд-ности, чел.	1989			2002			2010		
	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.	ср. людность села в интервале	кол-во сел в интервале	население сел в интервале, тыс. чел.
до 11	5	30170	155	4	47089	168	3	55641	167
11–25	17	24735	423	17	22303	377	17	19225	324
26–50	36	19939	727	36	15770	573	37	13522	494
51–100	73	18094	1312	73	14901	1082	73	13798	1006
101–200	145	17895	2595	145	15833	2302	145	14682	2133
201–500	321	22177	7116	323	20475	6618	323	18729	6053
501–1000	702	11524	8087	699	10836	7571	698	9720	6780
1001–2000	1357	5718	7759	1360	5182	7050	1370	4737	6492
2001–3000	2417	1266	3060	2415	1220	2946	2422	1217	2947
3001–5000	3819	803	3067	3804	873	3321	3836	979	3756
св. 5000	7923	601	4762	8340	807	6730	8457	874	7391
всего	255,4	152922	39063	249,5	155289	38738	245,2	153124	37543

Источник данных: за 1989 и 2002 гг. – [Российский статистический ежегодник 2010, с. 94], за 2010 г. – база данных Росстата по итогам переписи 2010 г.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Несмотря на значительный рост числа мелких сел, суммарное количество жителей в них и их общий вклад в сельское население возросли незначительно и остаются крайне незначительными. В остальном общая потеря населения селами разной людности идет по такой же схеме: теряют население села с числом жителей от 10 до 2–3 тыс. чел., причем, чем крупнее село, тем этот процесс идет медленнее; при этом растет население более крупных сел.

Показатель людности села тесно связан с показателем его административного статуса: как правило, центрами сельских поселений (муниципальных округов – МО) становятся села большего размера. В рамках общероссийской статистики подобное разделение при анализе может оказаться «заинтегрированным», так как в разных регионах понятия «большая» и «малая» людность могут сильно различаться. Статистика одного взятого региона – Саратовской области – позволяет четко выделить два типа сел – «административные центры МО» и «прочие». Каждый из типов образует собственное распределение, а смешение обоих распределений является 2-модальной, причем, такая структура сохраняется при достаточно значительной вариации шага (длины интервала людности) – от 130 до 240 чел. (на *рисунке 2* показаны распределения с шагом 150 чел. для 2002 г., 180 чел. для 2010 г.).

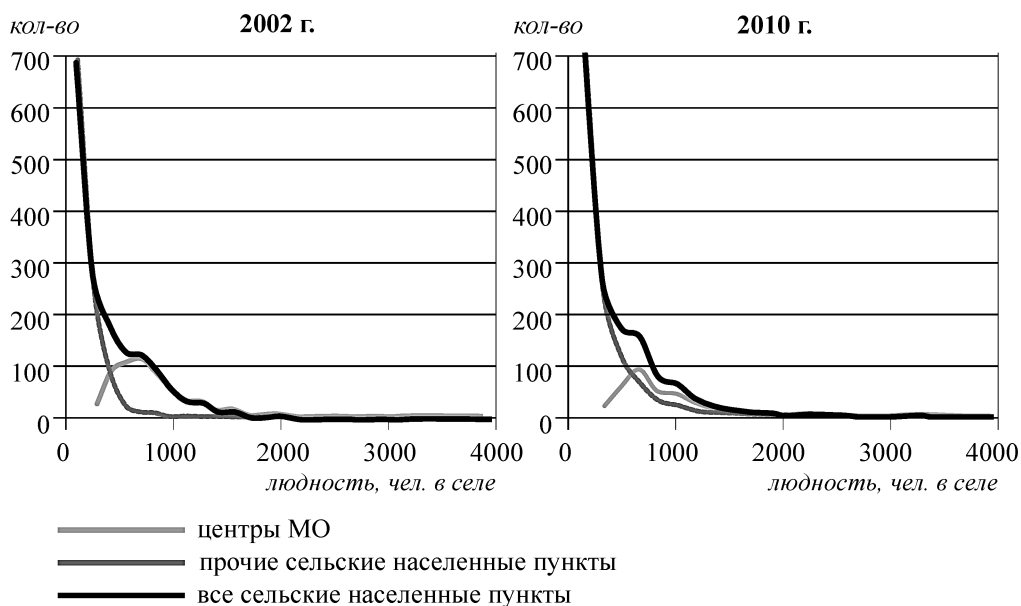

Рисунок 2. Распределения количества сельских населенных пунктов разного статуса в зависимости от людности, за 2002 г. (слева) и 2010 г. (справа)

Как показано на *рисунке 2*, в 2010 г. по сравнению с 2002 г. распределение центров МО в Саратовской области стало ниже и «меньше», на нем исчезла «выпуклость» слева; распределение «рядовых» поселений стало выше и сдвинулось вправо. Эти изменения являются отражением серьезных трансформаций в административном устройстве сельских территорий, осуществленных после 2002 г.: число МО было уменьшено почти вдвое, аналогично сократилось число центров МО и за их счет возросло число «рядовых» сел. Соответственно, произошло перераспределение населения в пользу «рядовых» сел: их средняя людность существенно увеличилась. Укрупнение МО способствовало сокращению аппарата управления, но оно только усилило неоднородность МО по числу жителей (в 2002 г.

коэффициент вариации составил 0,76, в 2010 г. – 0,84) и, безусловно, не могло остановить процесса исчезновения малых сел. Если в 2002 г. 3% всех сел были безлюдными, то в 2010 г. – уже 5,4% (таблица 2).

С 1989 г. по 2002 г. удельный вес сельского населения, проживавшего в центрах МО Саратовской области, увеличился с 70,5% до 76,6% (до 73%, если не считать новые сельские МО, которые были образованы бывшими поселками городского типа, превращенными в села). К 2010 г. из-за административных решений он снизился до 54,8%, однако сопоставление населения сел, которые являлись центрами МО и в 2002 г., и в 2012 г., показывает, что они теряли население медленнее, чем села, оставшиеся в эти же годы «рядовыми» – на 7% и 12% соответственно. Это означает, что процессы обезлюдения малых, «рядовых» сел и концентрации сельского населения в центрах МО продолжаются; за период 2002–2010 гг. индекс Джини, рассчитанный по всему массиву сельских поселений (за исключением безлюдных), вырос с 0,588 до 0,617.

Таблица 2. Показатели количества и населения сельских поселений разного административного статуса по Саратовской области

	1989	2002	2012
Сельское население, всего, чел.	694342	704452	642327
Количество сельских населенных пунктов	1768	1789	1778
в т.ч. без населения	нет данных	54	95
в среднем на населенный пункт (без учета населенных пунктов, не имеющих населения), чел.	–	406	382
Количество МО	572	634	378
население, в среднем на МО, чел.	1214	1111	1700
Количество центров МО*	572	614	356
население в них, чел.	489596	539945	351942
в среднем на центр МО, чел.	856	879	989
Количество «рядовых» сел	1196	1175	1422
население в них, чел.	204746	165031	290385
в среднем на «рядовое» село, чел.	171	140	204

* Количество центров МО не совпадает с количеством МО из-за существования 20–22 МО, образованных селами, административно подчиненными райцентрам или, реже, крупным поселкам городского типа.

Источники: за 1989 г. – [Сельские населенные пункты ... 1991, с. 214–215], за 2002 г. – [Сельские населенные пункты... 2005], за 2010 г. – [Численность и размещение населения ... 2012]

Следует отметить, что прирост сельского населения в Саратовской области в 1989–2002 гг., составивший 10 тыс. чел., был достигнут искусственно, благодаря административным решениям по переводу трех поселков городского типа в категорию сел (Александрова Гая, Ивантеевки, Питерки) с общим населением 21 тыс. чел. Без их учета наблюдалась бы убыль сельского населения, хотя в 22 из 38 районов области оно действительно возросло. Однако последний межперепис-

ной период демонстрирует ускоренную депопуляцию села в большей степени, чем предыдущий: в период 2002–2010 гг. рост сельского населения происходил только в 3 районах области. Население самых мелких сел в основном состояло из стариков: хуторская жизнь в России по разным причинам распространения не получила.

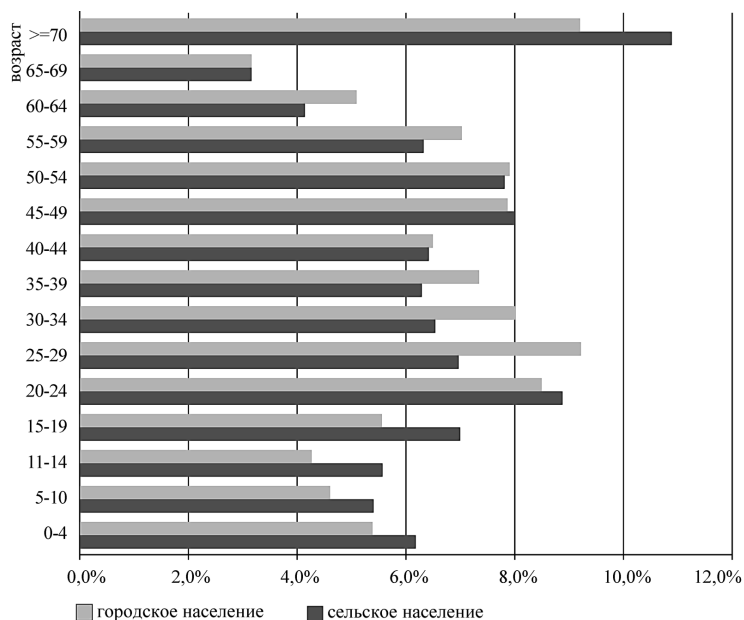

Рисунок 3. Распределение показателя удельного веса населения по возрастным когортам по городской и сельской местности, %, на 01.01.2010

Необходимо подчеркнуть, что миграция из мелких сел в центры МО представляет собой один из заметных и важных локальных миграционных потоков внутри сельской местности. Из небольших сел семьи с детьми стараются уехать в более крупные села, в центры МО, где существует минимальная инфраструктура, способная улучшить качество жизни: детские сады, школы в шаговой доступности.

После того как дети вырастают и заканчивают школу, они отправляются в город продолжать образование, где, как правило, и остаются. Кроме учащейся молодежи, в поисках работы и более высокого качества жизни село покидают люди, находящиеся в активном трудоспособном возрасте. Многие из них находят работу «вахтовым методом» в городах, формируя армию временных и сезонных мигрантов; центрами притяжения чаще всего становятся близлежащие областные и районные города. Ж.А. Зайончковская и Н.Н. Ноздрин отмечают, что «региональные столицы вытягивали население из городов меньших размеров и более низкого статуса, создавая там нишу для сельских мигрантов» [Зайончковская, Ноздрин 2008, с. 107]. Статистические данные свидетельствуют, что внутрорегиональная миграция (в зависимости от федерального округа) составляет 75–85% общего объема миграции сельского населения (против 55–81% – городского населения).

Вышеуказанные миграционные потоки ведут к ухудшению возрастной структуры сельского населения, способствуют его старению: анализируя сельскую половозрастную пирамиду по РФ, можно видеть «провал» возрастных когорт 25–39 лет при значительном превышении относительных частот старших и младших возрастов среди сельского населения по сравнению с городом (рисунок 3) [Быченко, Шабанов 2012, с. 136–142].

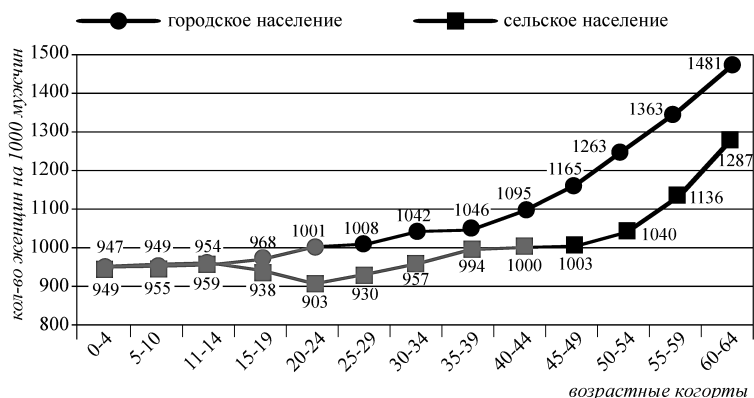

Рисунок 4. Распределение показателя количества женщин на 1000 мужчин по возрастным когортам по городской и сельской местности, на 01.01.2010 г.

Кроме того, в миграции из села выражен гендерный аспект – молодые женщины покидают село активнее мужчин: если в городах численность женщин начинает превышать численность мужчин с возрастной когорты 20–24 лет, то в сельской местности подобное превышение начинается только с 45 лет. Более того, на возрастную когорту 20–24 лет – наиболее репродуктивный возраст – приходится наибольший «провал» численности женщин (903 женщины на 1000 мужчин); в городе столь сильная диспропорция в численности появляется только с 40 лет, причем, «в пользу» женщин (рисунок 4) [Быченко, Шабанов 2012, с. 136–142].

Этноструктурная динамика в сельской местности на региональном и местном уровнях под влиянием миграции

Анализируя этническую структуру миграции в Россию из стран ближнего зарубежья, социологи обратили внимание на постепенное исчерпание миграционного потенциала русских и представителей других народов России [Зайончковская 1999, с. 40–41; Мукомель 2003, с. 130–146; Рыбаковский 2011, с. 23–34]. А.Г. Вишневецкий отмечает, что миграции 1990-х гг. и в значительной степени в 2000-х гг. были по преимуществу «возвратными»: по большей части они имели характер репатриации, возвращения соотечественников. И только со второй половины 2000-х гг. положение стало заметно меняться: с 2004 г. удельный вес народов

РФ в миграционном приросте стал уменьшаться, причем в 2006–2007 гг. снижение носило обвальный характер [Вишневецкий 2012, с. 3–40]. После 2007 г. данные по этническому составу мигрантов публиковать перестали.

К сожалению, данные по этнической миграции, касающиеся сельской местности, отсутствуют. Но предполагая, что в отношении ситуации с сельской миграцией действуют те же тенденции, как и для страны в целом, можно говорить об изменении со второй половины 2000-х гг. этнического состава миграции в сельскую местность.

Анализируя ситуацию в Саратовской области, прежде всего отметим значительность миграционного притока «титульных» народов стран СНГ, что объясняется, вероятно, ее пограничным положением: в 1990-е гг. они давали почти четверть миграционного прироста – в среднем на 5 процентных пунктов больше, чем в большинстве других регионов Приволжского федерального округа. Во второй половине 2000-х гг. миграционный поток в округ, как и предполагали исследователи, стал «гораздо более пестрым» [Мкртчян 2004, с. 33]. Масштаб этого потока пока не привел к радикальным изменениям в этнической структуре городского и сельского населения Саратовской области, но можно говорить о появлении некоторых новых тенденций: в частности, миграция оказала решающее влияние на изменение состава и структуры группы из 10 наиболее многочисленных народов области (см. в *таблице 3*), укрупнились и стали заметными некоторые прежде малочисленные этнические общины, в сельской местности возникли новые мононациональные поселки и хутора. В целом, процессы, обозначившиеся в прежний межпереписной период в 1989–2002 гг. [Телятников 2007, с. 64–67], продолжились и в 2002–2010 гг.

За 2002–2010 гг. численность каждого из 10 наиболее многочисленных народов, проживающих на территории области, сократилась в сельской местности, при этом численность армян, азербайджанцев и русских сокращалась медленнее сельского населения в целом. Отметим, что значительный вклад в относительно медленное снижение численности русского населения вносит ассимиляция представителей других народов, особенно тех, кто проживает в смешанных селах. Однако этот источник пополнения русского населения постепенно исчерпывается из-за старения и значительного сокращения численности народов, традиционно относимых к «русскоязычным».

В целом, несмотря на рост удельного веса армян, азербайджанцев и русских, суммарный вклад 10 наиболее многочисленных народов Саратовской области в ее сельское население уменьшился с 95,9% до 94,4% (*таблица 3*), что свидетельствует о росте других, прежде малочисленных этнических общин.

Анализ этноструктурной ситуации на местном уровне дает понимание того, каким образом мигранты заполняют лакуны, образованные убылью местного населения. Сельский рынок труда очень ограничен: занятость в аграрном секторе снижается, а диверсификация сельской экономики происходит крайне медленно. Основные ниши, которые может предложить этническим мигрантам современное российское село, связаны прежде всего с неквалифицированным трудом в сельском хозяйстве и с предпринимательством. Неквалифицированная, сезонная, временная работа у сельхозтоваропроизводителя предлагается в основном «своим неудачникам» и мигрантам, готовым работать без оформления и за низкую зарплату. В настоящей статье мы подробно остановимся на других категориях этнических мигрантов, ставших гражданами РФ, на постоянной основе поселившихся в сельской местности, для которых едва ли не единственной свободной лакуной является предпринимательство.

Таблица 3. Динамика численности и среднего возраста 10 наиболее многочисленных народов Саратовской области, по сельской местности, за 2002–2010 гг.

Народ	Численность			Доля в сельском населении		Средний возраст	
	2002	2010	Изменение в 2010, %	2002	2010	2002	2010
Русские	531231	489370	-7,9	75,41	76,19	38,9	40,3
Казахи	61604	55555	-9,8	8,74	8,65	31,8	35,5
Татары	19762	17346	-12,2	2,81	2,70	37,7	41,6
Украинцы	22026	13161	-40,2	3,13	2,05	49,6	56,2
Армяне	6846	6799	-0,7	0,97	1,06	30,5	34,2
Азербайджанцы	5322	5062	-4,9	0,76	0,79	26,4	30,9
Чуваши	9260	6877	-25,7	1,31	1,07	42,8	48,4
Мордва	7778	5376	-30,9	1,10	0,84	48,6	53,5
Белорусы	4447	2866	-35,6	0,63	0,45	50,5	58,2
Немцы	7054	4206	-40,4	1,00	0,64	33,8	41,3
Итого	675330	606618	-10,2	95,86	94,44	38,6	40,4
Сельское население, всего	704452	642327	-8,8	100,00	100,00		

Источник: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Среди стратегий кросс-культурного взаимодействия, вырабатываемых местным населением и мигрантскими сообществами, исследователи выделяют интеграцию, (само)сегрегацию, ассимиляцию, маргинализацию [Мокин 2006]. Примеры всех этих типов можно найти и в селах Саратовской области: в частности, этнически неоднородная русскоязычная миграция 1990-х гг., стремившаяся к ассимиляции и быстро ассимилировавшаяся, помогла решить проблему нехватки квалифицированных специалистов в сельской местности, в частности, школьных учителей.

Примеры успешной интеграции этнических мигрантов интересны и могут оказаться полезными: мигранты встраиваются в новую для себя среду обитания, занимая свободные ниши и создавая новые. Также интересны примеры (само)сегрегации, в городских условиях часто ведущие к маргинализации, а в сельских – к созданию обособленных, относительно замкнутых поселений со своей экономикой, традициями, нравами и т.д. И от того, какой тип взаимодействия будет превалировать, зависит будущее российского села.

Сравнивая сельскую жизнь в районах, различающихся по этническому составу, Т.Г. Нефедова отмечает, что «анклавы мусульманских народностей, немцев, корейцев представляют собой иной мир с более активным населением и устойчивым сельским хозяйством». Пытаясь найти объяснение этому, Т.Г. Нефедова задается вопросами, позволяющими уйти от спекулятивных рассуждений о национальных особенностях и перевести разговор в рациональную плоскость. В чем кроется «секрет большей устойчивости нерусских хозяйств? – В сочетании демографического здоровья с разнообразием занятий? В крепких родственных связях, перерастаю-

щих в экономические отношения? В ответственности мужчин за семью, в четком разделении мужских и женских ролей, меньшей приверженности алкоголю?...» [Нефедова 2006].

Мы проведем исследования двух сельских поселений (МО), в одном из которых армянская община, составляющая около 15% населения, интегрирована в жизнь села; в другом же образовался относительно замкнутый мононациональный курдский поселок с тенденцией к самосегрегации.

Исследования базируются на статистических данных из похозяйственных книг МО, которые можно сравнить с материалами поголовного обследования населения МО по вопросам занятости, половозрастным характеристикам и др. Они достаточно достоверны, поскольку образ жизни каждого жителя на виду у всех [Овчинцева 2000, с. 116–137]¹.

Село Казачка Калининского района правобережной части Саратовской области с населением в 1,7 тыс. чел. является центром МО: в нем расположены администрация и все объекты инфраструктуры (амбулатория, школа, детсад и т.п.), в них занято 18% трудоспособного населения села. Аграрный сектор представлен 5 хозяйствами (коллективными и фермерскими), в которых занято 20–25% трудоспособных. Бизнес включает в себя 10 магазинов и торговых точек, пекарню, авторемонтную мастерскую, кафе; здесь занято около 10% трудоспособного населения. Еще 15–20% работают «вахтовым» методом, выезжая в города на заработки и возвращаясь по окончании смены. При этом безработные (тех, чей род занятий не отражен в похозяйственных книгах и кто не имеет постоянных занятий) составляют 30%.

Село преимущественно русское; украинцев, чувашей, белорусов и лиц других национальностей, проживающих в селе, условно можно отнести к «русскоязычным». Доля армян – около 15%, большинство из них обосновались в селе после распада СССР: часть бежали от войны из Нагорного Карабаха, но большинство являются выходцами из Армении. Практически все армяне-мигранты двуязычны, сохраняют свои традиции, поддерживают тесные связи с соплеменниками и держатся своей общиной, а смешанные браки практически не встречаются. Одновременно с этим армяне встроены в местную социальную среду: большинство трудоспособных занято, безработных среди мужчин почти нет, основные занятия – сельское хозяйство и предпринимательство. До 15% трудоспособных армян заняты в сельском хозяйстве – работают в основном механизаторами, комбайнерами, трактористами; некоторые имеют собственный бизнес, который условно можно отнести к сельскохозяйственному. Например, один из занятых, 50 лет, владеет собственным трактором и нанимается на выполнение конкретных сельскохозяйственных работ (в основном, к фермерам), его 26-летний сын официально работает в местном сельхозпредприятии. Многие имеют крупные личные подворья, некоторые занимаются скучкой продукции личных подсобных хозяйств населения. Из 10 частных сельских магазинов и торговых точек армяне владеют двумя, кроме того, армянам принадлежат придорожное кафе и автомастерская. Не менее 25% трудоспособного армянского населения либо сами являются предпринимателями, либо в той или иной форме связаны с предпринимательством, зачастую официально не регистрируя свои занятия. Как и в целом по селу, до 20% трудоспособных армян работает вахтовым методом в городах, в основном, по рабочим специальностям.

¹ Консультации у специалистов администрации, полученные в ходе сбора данных из похозяйственных книг, позволили внести необходимые уточнения в устаревшую или ошибочную информацию.

В целом уровень жизни армян выше, чем в целом по селу, что объясняется не только высокой занятостью, низким уровнем безработицы, умением вести дела, но также большими семьями и развитой взаимной поддержкой. Добавим к этому, что у армян совершенно не распространены «вредные привычки», у них крепкие патриархальные семьи, в которых принято, чтобы мужчины работали и содержали семью. Следует также отметить, что их семьи больше по численности, чем в среднем по селу, в них больше детей – 3,2 против 2,67 взрослых людей и 1,1 против 0,4 детей (до 15 лет) в среднем на семью соответственно. Большинство детей армян-мигрантов 17–22 лет продолжают образование в городах, практически треть из них учатся в саратовских вузах. Необходимо отметить, что отток армян из села в город находится примерно на таком же уровне, как у русских и представителей других национальностей, но более высокая рождаемость, расширенное воспроизводство способствуют тому, что численность армян в сельской местности сокращается медленнее, чем численность других национальностей (таблица 3).

Итак, делая вывод, можно утверждать, что армяне-мигранты, обосновавшиеся в сельской местности, в целом успешно интегрированы в местную социально-экономическую среду; по своему социальному поведению они мало отличаются от местного населения, хотя для них и характерны некоторые черты патриархального общества, при этом они сохраняют свою идентичность и держатся своей среды.

Другое исследованное нами муниципальное образование, Целинное² сельское поселение Перелюбского района Саратовской области, обладает характерной особенностью – раздельным сосуществованием с 1993 г. двух общин, условно называемых местной или «принимающей» и мигрантской, представленной этническими курдами – вынужденными переселенцами из Киргизии. В Целинный муниципальный округ входят два населенных пункта – центр МО поселок Целинный и поселок Новый. Местное население поселка Целинный представлено преимущественно русскими, а также украинцами, белорусами, казахами, татарами, чувашами и др. На лето 2012 г. в Целинном постоянно проживали 750 чел. (включая тех, кто работал «вахтовым методом» по несколько месяцев в году, проходил срочную службу в армии, получал образование в городе); среди них почти 93% относятся к местному населению. Поселок Новый – полностью мигрантский; в нем постоянно живут 144 чел. Таким образом, общее население Целинного МО на лето 2012 г. составляло 894 чел., из которых 198 чел. (или 22%) – этнические мигранты-курды.

Адаптация этнических мигрантов, их успешное включение в состав принимающего общества – одна из ключевых проблем, к которой обращаются многие исследователи. К.С. Мокин в качестве причин, противодействующих успешной адаптации мигрантов, наряду с низким уровнем толерантности принимающего населения, отсутствием внятной миграционной политики, сворачиванием программ поддержки мигрантов и т.п., называет также отсутствие четких адаптационных установок на интеграцию и проявление «прагматичной культуры», под которой автор понимает «доминирование в структуре ценностно-мотивационных установок ориентаций на временное пребывание, стремление только к зарабатыванию денег, отсутствие желаний (действий) на интегративное сосуществование, тяга части мигрантов к самосегрегации» [Мокин 2006, с. 94].

² Авторы благодарят студентку СГСЭУ, жительницу поселка Целинный Ирину Анатольевну Повидишеву за помощь, оказанную в организации и проведении исследования.

В.В. Амелин и К.С. Мокин, рассматривая этнокультурную ситуацию в Саратовской области, выявляют тенденцию формирования «разделенного рынка» по этническому признаку, ярко выраженное социально-экономическое расслоение населения по уровню образования, доходов, социальному статусу, а также растущую этническую сегрегацию, в качестве примера которой называют появление моноэтнических поселений [Амелин, Мокин 2011, с. 279–280]. Мы рассматриваем здесь именно такой пример.

В.Н. Петров проводит подробную классификацию этнических миграций, выделяя 17 типов. Поселение курдов в Саратовском Заволжье относится к одному из выделенных им типов, названному «выезд из мест депортации и въезд не на территорию депортационного выезда этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1937–1940-х гг.» [Петров 2009, с. 48–57].

Материал об истории курдской общины, предыстория появления курдов в заволжском селе были получены из бесед с дальними родственниками – Усеном А. (1966 г.р.) и Фазидой А. (1972 г.р.). По их словам, до 1937 г. их семьи жили в Армении, затем вместе с другими курдскими семьями были высланы из мест традиционного проживания главным образом в Среднюю Азию; часть курдов эмигрировала за рубеж, в основном в мусульманские страны; семьи наших собеседников оказались в Киргизии³.

Семьи Усена и Фазиды проживали в Киргизии до 1993 г., когда политические и другие обстоятельства заставили их вновь искать убежища. Собеседники отметили экономические трудности, возникшие после распада Советского Союза, с которыми столкнулось все население, и специфические проблемы, с которыми столкнулись национальные меньшинства в новых независимых государствах. Рост национализма сделал их жизнь в инонациональной среде неудобной и опасной и заставил задуматься о переселении в другое, более безопасное место.

Семья Фазиды уехала из Киргизии в 1994 г.; большая часть семьи обосновалась в Ставрополе, где один из ее братьев сделал карьеру в прокуратуре, другие занимаются предпринимательством, сама же Фазида с другой частью семьи оказалась в поселке Целинный. В период жизни в Киргизии отец Фазиды работал вахтовым методом на нефтяных вышках, мать занималась домашним хозяйством.

Часть семьи Усена переехала в поселок Целинный в 1993 г., отец (1927 г.р.) во время войны работал в сельском хозяйстве, занимался полеводством, потом трудился на шахте в Киргизии; мать Усена вела домашнее хозяйство; семья была многодетной и состояла из 17 человек.

В нашем исследовании проводится сопоставление укладов жизни местного принимающего населения и этнических мигрантов по показателям социально-демографической и производственно-хозяйственной сферы, позволяющим оценить адаптированность различных групп к условиям жизни в сельской местности. Состав домашних хозяйств, описанных в похозяйственных книгах, свидетельствует о том, что семьи местного населения значительно меньше по размеру, чем семьи мигрантов. Типичная местная семья представляет собой «осколок» прежде большой семьи. Можно перечислить основные типы таких «осколков»:

- домохозяйство, состоящее из одного пожилого человека или двоих пожилых людей пенсионного или предпенсионного возраста, дети которых давно отделились и уехали из села;

³ Факт насильственной миграции курдов из окраин СССР в числе других депортаций 30–50-х гг. находит подтверждение у авторов, занимающихся данной тематикой; Киргизия названа ими в числе одного из принимающих регионов [Полян 1999, с. 102–113; Земсков 1999, с. 114–124].

- домохозяйство, состоящее из двоих взрослых зрелого возраста с двумя детьми 17–25 лет, которые учатся или работают («вахтовым методом» или постоянно) в городе и скорее всего в село не вернуться;
- неполная семья, включающая молодую разведенную женщину и одного-двух детей;

Перечисленные типы домохозяйств свидетельствуют о современном демографическом поведении сельского населения, отнесенного нами к категории местного; оно мало чем отличается от демографического поведения городского населения. Полноценных семей, состоящих из обоих родителей и, как минимум, одного ребенка, среди местных приблизительно 20–25%. В целом 696 чел., условно относящихся к местному населению, объединены в 262 домохозяйства, т.е. на одно домохозяйство приходится в среднем 2,67 чел., в том числе 0,4 детей (до 14 лет включительно) и 2,27 взрослых.

Нельзя утверждать, что курдская молодежь не отделяется от родителей, но благодаря многодетности их семей и большой разнице в возрасте между старшими и младшими детьми среди курдов редко встречаются семейные «осколки»: как правило, с 40–50-летними родителями живут младшие 10–15-летние дети. Поэтому типичная мигрантская семья состоит из двоих родителей и 1–5 детей. В 44 курдских домохозяйствах в Целинном МО живут 198 чел. – в среднем по 4,5 чел., в том числе 1,9 детей и 2,6 взрослых.

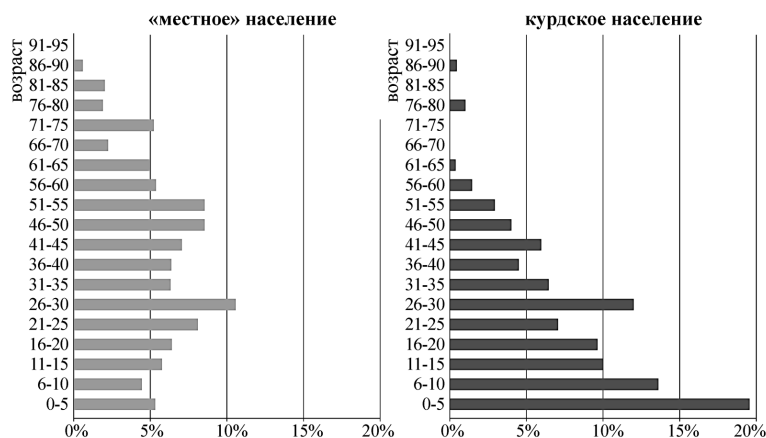

Рисунок 5. Возрастные пирамиды местного (слева) и курдского (справа) населения, по данным похозяйственных книг, на 2012 г.

На рисунке 5 приведена демографическая структура местного и курдского населения. За счет большого числа детей курдское сообщество очень молодое – средний возраст составляет 22,1 года против 38,8 лет у местного населения, при этом курдские дети образуют одну треть учащихся средней школы Целинного МО. Для курдского сообщества характерны ранние браки, заключающиеся вскоре после окончания средней школы – в 20 лет у мужчин, в 18 лет у женщин.

Возраст вступления в брак представителей местного населения значительно выше и практически не отличается от средних показателей по стране, которые в

2009 г. составляли, как минимум, 28 лет у мужчин и 25 лет у женщин (рассчитано по: [Демографический ежегодник России 2010, с. 124–125]).

Анализ похозяйственных книг показал, что приблизительно 55 чел. из числа местного населения обоего пола в возрасте 22–30 лет из 131 чел. (42%) либо холостые/незамужние, либо разведенные, что в курдской среде встречается гораздо реже – 5 из 38 чел. (13%). Местная молодежь не торопится обзаводиться семьями и обременять себя детьми; их система ценностей абсолютно современна: прежде всего они стремятся получить образование и «встать на ноги», что для местной молодежи означает обосноваться в городе, устроиться там на работу, хорошо зарабатывать и т.п.

Кроме выявленных демографических тенденций внутри каждой из рассматриваемых групп населения, на демографические перспективы Целинного МО влияют и современные миграционные процессы: ежегодно в поселение прибывают и убывают из него несколько десятков человек, относящихся к местному населению, причем численность убывающих заметно превышает количество прибывающих (таблица 4), а с учетом низкой рождаемости среди местного населения данная миграционная тенденция только усиливает его депопуляцию.

Таблица 4. Динамика прибытия/убытия местного населения Целинного МО в 2007–2011 гг., чел.

Год	Прибыло	Убыло	Разница
2007	15	41	–26
2008	15	21	–6
2009	26	35	–9
2010	13	23	–10
2011	17	35	–18

Можно выделить 3 основные категории уезжающих:

- молодежь 17–23 лет, поступившая в высшие и средние специальные учебные заведения в городах; чаще всего по окончании учебы в село не возвращается;
- лица 30–50 лет, нашедшие работу в городе; как правило, начинают работать «вахтовым методом», выезжая на срок от 2–3 недель до полугода в город и возвращаясь домой по окончании смены. Постепенно «закрепляются» в городе, снимают жилье, перевозят семью. Дети начинают ходить в городскую школу, остальные члены семьи также находят работу. При этом в селе у них остаются квартиры, которые либо пустуют, либо там живет представители старшего поколения семьи. В этих квартирах они имеют постоянную регистрацию, превращаясь в «мертвые души» села и способствуя завышению статистики сельского населения. По нашим оценкам, основанным на материалах похозяйственных книг, как минимум 43 чел. (5,7%) из поселка Целинный постоянно живут за пределами поселка, числясь при этом его жителями;
- уезжающие по семейным обстоятельствам – к мужу/жене, к детям или родственникам и т.п.

Представляется, что третья из перечисленных категорий существовала всегда: во все времена случались «экзогамные» браки, когда женщина или мужчина находили спутника жизни в другом населенном пункте и переезжали к нему. Также нередки были случаи, когда пожилые люди переезжали к детям, уехавшим из села. Первая и особенно вторая категории хотя также не являются новыми, но именно в наши дни получили наибольшее распространение.

Что касается прибывающих в село на постоянное место жительства, то следует выделить следующие категории:

- приехавшие по семейным обстоятельствам;
- «возвращенцы» из города, не сумевшие или не захотевшие закрепиться в нем.

Помимо этого, исследователи называют еще несколько категорий, охватывающих сравнительно небольшое количество приезжих и практически не представленных в Целинном МО. Это прежде всего пенсионеры, часто из числа бывших сельских жителей, решившие дожить свой век в селе; дети фермеров и сельских предпринимателей, вернувшиеся в село после окончания учебы, чтобы участвовать в бизнесе родителей, а также те, кто сознательно выбрал село для жизни и работы [Хагуров 2012, с. 5194–5200].

Что касается статистики миграционной активности курдов, то она свидетельствует о притягательности выбранного для жизни почти 20 лет назад села: оно ежегодно принимает на постоянное жительство по 4–6 родственников и знакомых. С учетом высокого естественного прироста общее увеличение курдского населения после 1993 г. составляло почти 150 чел. При этом убыль местного населения за это время приблизилась к цифре 220–250 чел., образующей четверть всей его численности.

Значительная доля местного населения поселка Целинный занята в сельском хозяйстве (12,4% от числа жителей поселка трудоспособного возраста без учета мигрантов), представленном бывшим колхозом, ныне – местным филиалом многопрофильного агрохолдинга с центром в Москве, и в бюджетной сфере, представленной средней школой, детским садом, социальной службой, ФАПом, ДК (11,9%). Около 19% жителей села трудоспособного возраста нашли работу за пределами села или вообще уехали, сохранив регистрацию поселкового местожительства; 4,5% местного населения трудоспособного возраста являются предпринимателями и работниками ИП (таблица 5).

Необходимо отметить высокий процент безработных, хотя и явно завышенный, что объясняется отсутствием данных в похозяйственных книгах по тем жителям, чья занятость носит неформальный характер. Здесь в основном преобладают три категории лиц: во-первых, это сезонные рабочие в сельском хозяйстве, численность которых, как правило, составляет до 30% от численности постоянно занятых в отрасли; в нашем случае это 4–5% от численности всех трудоспособных. Во-вторых, это лица, нанимающиеся на временную работу к соседям – вспахать огород, починить крышу или изгородь, провести ремонт в квартире (1–2%). Третья, наиболее значительная часть безработных – те, кто ведет мелкотоварное приусадебное хозяйство. Среди них есть и очень крупные сельхозтоваропроизводители, масштаб деятельности которых сопоставим с масштабом деятельности среднего фермерского хозяйства, но большинство являются весьма небольшими. Они обеспечивают продуктами питания свои семьи и имеют относительно невысокий доход от продаж. Следует обратить внимание на тот факт, что среди этой категории безработных много женщин, которые при работающих мужьях сознательно выбрали ведение домашнего и приусадебного хозяйства в качестве основного вида деятельности, заменяющего им работу.

Таблица 5. Структура занятости местного населения поселка Целинный, 2012 г.

Направление занятости, место работы	кол-во	% от числа трудоспособных
Сельхозпроизводство (агрохолдинг)	55	12,4
Бюджетная сфера	53	11,9
Работа вне села «вахтовым методом»	41	9,2
Работа и жизнь вне села	43	9,7
Владельцы и работники ИП	20	4,5
Безработные	174	39,1
Студенты	27	6,1
Учащиеся средней школы	84	3,8 (17 уч-ся 15–17 лет)
Дошкольники	43	–
Неработающие пенсионеры	141	–
Прочие	15	3,3
ВСЕГО	696	–
в т.ч. в трудоспособном возрасте	445	100,0

Таким образом, приведенная структура занятости свидетельствует о том, что местное население поселка Целинный существенно зависит от государства и от внешнего работодателя: более трети трудоспособных жителей поселка работают в «колхозе» (вошедшим в состав агрохолдинга) или являются бюджетниками, то есть вся аграрная отрасль представлена одним «внешним» хозяйством при полном отсутствии фермеров. Самостоятельно и притом достаточно успешно адаптировались к современным условиям жизни от четверти до трети жителей трудоспособного возраста (мы условно отнесли к таковым предпринимателей – формальных и неформальных, а также работающих за пределами села «вахтовым» методом или на постоянной основе).

Что касается социальной структуры мигрантского общества, то она в значительной степени однородна: все курдские семьи образуют несколько бизнесов, часто не регистрируемых: скупка сельхозпродукции у населения, скотоводство и мясомолочное производство, частный извоз. Производимую продукцию они, как правило, сдают своим же оптовикам наравне с местным населением. Необходимо отметить, что курдская община сама обеспечивает работой своих членов: все являются близкими и дальними родственниками (относятся к нескольким большим, расширенным семьям) и поддерживают друг друга; дети, окончив школу, не стремятся переселиться в город, а создают семьи и присоединяются к бизнесу родителей, а затем открывают собственное дело.

Итак, анализ сферы деятельности населения Целинного МО свидетельствует о том, что местное население встроено в «большое» общество, живет его ценностями; тогда как мигранты живут «своим» сообществом со своей отличающейся системой ценностей. Местные зависят от стороннего работодателя (часто вообще не местного и не сельского), мигранты привыкли полагаться только на себя. Между обеими общинами существуют хозяйственные связи, в которых заинтересованы обе стороны: мигранты выступают в роли предпринимателей-торговцев, местные – в роли мелкотоварных производителей сельхозпродукции.

Заключение

К числу важнейших функций сельского населения относится не только производство сельхозпродукции, но и поддержание в хозяйственном и культурном обороте обширных сельских территорий. Именно успешная реализация этой функции в наше время оказывается под угрозой ввиду ускоренного сокращения сельского населения и ухудшения его социально-демографической структуры по причинам естественной и миграционной убыли.

Сокращение сельского населения для слабозаселенной по сравнению с европейскими странами России чревато опустыниванием значительных территорий. Сложившийся каркас сельского расселения утончается: из его состава в большом количестве выводятся мелкие периферийные села, которые могли бы быть заменены хуторами и поселениями фермеров, ведущих небольшие семейные хозяйства, но этого не происходит из-за утраты соответствующей традиции и аграрной политики государства, сделавшего ставку на крупное вертикально интегрированное сельскохозяйственное производство.

Оба противонаправленных миграционных потока – в сельскую местность и из нее – различаются по своей этнической структуре. Если в 1990-е гг. миграция в РФ была в значительной степени возвратной – Россия собирала соотечественников, то к 2000-м гг. миграционный потенциал русских и других народов России в основном исчерпал себя, и с середины 2000-х гг. этнический состав мигрантов стал более разнообразным. В сельской местности возросли численность и удельный вес этнических меньшинств, появились обособленные в культурном и хозяйственно-экономическом отношении мононациональные поселки, население которых демонстрирует высокую адаптированность к жизни в условиях сельской местности. Ранние браки, высокая рождаемость, большие семьи-кланы с взаимной поддержкой родственников, доминирование традиционных ценностей, приверженность самостоятельной занятости в мелком и среднем бизнесе и, соответственно, меньшая зависимость от стороннего работодателя и от государства и т.п. делают этнических мигрантов весьма приспособленными к условиям сельской среды обитания.

Можно замедлить миграцию *местного, принимающего* сельского населения в города, если сместить акценты в аграрной политике государства, сделав ставку на развитие семейного фермерства и предпринимательства, особенно не сельскохозяйственного. Успешное решение сложнейших задач диверсификации сельской экономики и модернизации инфраструктуры села также будет способствовать закреплению населения в сельской местности.

В ситуации неизбежного роста этнической миграции обозначенная смена акцентов в государственной политике и успешное проведение структурных реформ улучшат социально-демографическую структуру *принимающего* сельского населения, усилят его адаптивный потенциал и конкурентоспособность. Это, в свою очередь, будет способствовать более активному включению этнических мигрантов в хозяйственную и культурную жизнь принимающего общества. Адаптации этнических мигрантов будет способствовать и соответствующая политика по отношению к сельским школам, активизация деятельности государства по привлечению мигрантов-граждан РФ на армейскую или альтернативную гражданскую службу, учитывая высокую роль данных социальных институтов в социализации молодежи.

Литература

- Амелин В.В., Мокин К.С. (2011) Региональная картина: Приволжский ФО // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие / Под ред. В.А. Тишкова. М.: Наука. С. 240-280.
- Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Былина С.Г. (2005) Сценарии демографического развития села // Вестник СГСЭУ. № 11 (II часть).
- Быченко Ю.Г., Шабанов В.Л. (2012) Современная миграция сельского населения: особенности, направления, последствия // Вестник СГСЭУ. № 2.
- Вишневский А.Г. (2012) Россия: демографические итоги двух десятилетий // Мир России. № 3. Демографический ежегодник России. 2010: Стат. сб. М.: Росстат.
- Зайончковская Ж.А. (1999) Россия: миграция в разном масштабе времени. М.
- Зайончковская Ж.А., Ноздрин Н.Н. (2008) Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социологического опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. № 4.
- Земсков В.Н. (1999) Демография заключенных, спецпоселенцев и ссыльных (30–50-е годы) // Мир России. № 4.
- Мкртчян Н.В. (2004) Миграция и регион: на примере Приволжского федерального округа // Мир России. № 2.
- Мокин К.С. (2006) Балаково: миграционные истории армян // Социологические исследования. № 2.
- Мукомель В.И. (2003) Кто придет в Россию из нового зарубежья? // Мир России. № 3.
- Нефедова Т.Г. (2006) Социальная география сельского хозяйства // Региональные исследования. № 4.
- Овчинцева Л.А. (2000) Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России. № 3.
- Петров В.Н. (2009) Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. № 10.
- Полян П.М. (1999) Насильственные миграции и география населения // Мир России. № 4. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. М.: Росстат.
- Рыбаковский Л.Л. (2011) Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования. № 4.
- Сельские населенные пункты РСФСР по данным всесоюзной переписи населения 1989 года (1991). М.: Госкомстат РСФСР.
- Сельские населенные пункты. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. (2005) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов.
- Телятников Н.Б. (2007) Народы Саратовского Поволжья: современная демография // Вопросы статистики. № 4.
- Численность и размещение населения Саратовской области. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. (2012) / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов.
- Хагуров А.А. (2012) Социально-экономическая структура российского села // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. Уфа.
- World Population Prospects (2001) / The 2000 Revision. Highlights. Draft. Doc. № ESA / P/ WP.165.28 February 2001.

The Impact of Migration on the Demographic and Ethnical Development of the Russian Rural Areas

Yu. BYCHENKO*, V. SHABANOV**

***Yuri Bychenko** – Professor, Saratov State Socio-Economic University. Address: 89, Radizhev str., Saratov, 410003, Russian Federation. E-mail: bychenkoug@gmail.com.

****Victor Shabanov** – Senior staff scientist, Institute of Agricultural Problems (RAS). Address: 94, Moskovskaya str., Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: vic35@inbox.ru.

Abstract

By drawing on the data from three all-Russian censuses in 1989, 2002 and 2010 we analyze the changes in the size of rural settlements against the changes in population and administrative status. We find that there is a strong tendency towards the concentration of people in larger rural settlements at the cost of depopulation in smaller ones and the discarding of large rural areas from agriculture. This process also leads to the reshaping of social, ethnic and demographic structure of abandoned rural areas, since there appears to be a higher tendency towards migration to larger settlements among the young, the educated, and mostly female Russian speaking population. Parallel to this we also conduct a separate in-depth analysis of two settlements in Saratov region. We find that unlike the Russian speaking inhabitants of the rural settlements ethnic migrants are more adapted to living in rural areas due to their largely pre-urban demographic behavior, traditional values, larger families with strong social support and commitment to self-employed labor.

Keywords: migration, natural increase, dynamics of rural population, rural settling, age-related and ethnical structure of rural population, social adaptation

References

- Amelin V.V., Mokin K.S. (2011) Regional'naya kartina: Privolzhskii FO [Regional Picture: Privolzhskii FR]. *Rossiiskaya natsiya: Stanovlenie i etnokul'turnoe mnogoobrazie* [Russian Nation: Establishment and Ethnocultural Diversity]. Ed. by V.A. Tishkov, Moscow: Nauka.

- Blinova T.V., Kutenkov R.P., Bylina S.G. (2005) Stsenarii demograficheskogo razvitiya sela [Rural Demographic Development of Village]. *Vestnik SEUN*, no 11 (part 2).
- Bychenko U.G., Shabanov V.L. (2012) Sovremennaya migratsiya sel'skogo naseleniya: osobennosti, napravleniya, posledstviya [Modern Migration of Rural Population: Peculiarities, Directions, Consequences]. *Vestnik SEUN*, no 2.
- Chislennost' i razmeshchenie naseleniya Saratovskoi oblasti. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 2010 goda (statisticheskii sbornik)* [Quantity and Placement of Saratov Region Population. Results of All-Russian Census of 2010 (Data Book), Saratov.
- Goskomstat RSFSR (1991) *Sel'skie naselennye punkty RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 goda* [Rural Population Districts RSFSR According to all-USSR Census of 1989], Moscow: Goskomstat RSFSR.
- Khagurov A.A. (2012) *Sotsial'no-ekonomicheskaya struktura rossiiskogo sela* [Socio-Economic Structure of Russian Village]. Paper presented at IV Regular All-Russian Sociological Congress, Ufa, 23-25 October, 2012.
- Mkrtchan N.V. (2004) Migratsiya i region: na primere Privolzhskogo federal'nogo okruga [Migration and Region: by Example of Privolzhskii Federal Region]. *Mir Rossii*, no 2.
- Mokin K.S. (2006) Balakovo: migratsionnye istorii armyan [Balakovo: Migration History of Armenians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 2.
- Mukomel' V.I. (2003) Kto priedet v Rossiyu iz novogo zarubezh'ya? [Who Will Come to Russia from New Abroad?]. *Mir Rossii*, no 3.
- Nefedova T.G. (2006) Sotsial'naya geografiya sel'skogo khozyaistva [Social Geography of Rural Economy]. *Regional'nye issledovaniya*, no 4.
- Ovchintseva L.A. (2000) Zanyatost' zhitelei sela: trudnosti izmereniya [Employment of Rural Settlers: Measuring Difficulties]. *Mir Rossii*, no 3.
- Petrov V.N. (2009) Etnicheskie migratsii v sovremennoi Rossii: determinanty i tipologiya [Ethnical Migrations in Modern Russia: Determinations and Typology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10.
- Polyan P.M. (1999) Nasil'stvennyye migratsii i geografiya naseleniya [Forcible Migration and Geographic of Population]. *Mir Rossii*, no 4.
- Rosstat (2010) *Demograficheskii ezhegodnik Rossii (statisticheskii sbornik)* [Demographic YearBook of Russia (Data Book), Moscow: Rosstat.
- Rosstat (2010) *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik (statisticheskii sbornik)* [Russian Statistical Year-Book (Data Book)], Moscow: Rosstat.
- Rybakovsky L.L. (2011) Migratsionnyi potentsial: kriterii otsenki i sovremennyye masshtaby [Migrational Potential: Assessment Criteria and Modern Scale]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 4.
- Sel'skie naselennye punkty. Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 2002 goda (2005) (statisticheskii sbornik)* [Rural Population Districts. Results of All-Russian Census of 2002 (Data Book)], Saratov.
- Telyatnikov N.B. (2007) Narody Saratovskogo Povolzh'ya: sovremennaya demografiya [Nationalities of Saratov Povolzhie: Modern Demography]. *Voprosy statistiki*, no 4.
- Vishnevskii A.G. (2012) Rossiya: demograficheskie itogi dvukh desyatiletii [Russia: Demographic Results of the Two Post-Soviet Decades]. *Mir Rossii*, no 3.
- World Population Prospects* (2001). The 2000 Revision. Highlights. Draft. Doc. № ESA / P/ WP.165.28 February 2001.
- Zaionchkovskaya J.A. (1999) *Rossiya: migratsiya v raznom masshtabe vremeni* [Russia: Migration in Different Time Scale], Moscow.
- Zaionchkovskaya J.A., Nozdrina N.N. (2008) Migratsionnyi opyt naseleniya regional'nykh tsentrov Rossii (na primere sotsiologicheskogo oprosa v 10 gorodakh) [Migration Experience of Population in Russian Regional Centers (by example of poll in 10 cities)]. *Problemy prognozirovaniya*, no 4.
- Zemskov V.N. (1999) Demografiya zakluchennykh, spetsposelentsev i ssyl'nykh [Demography of Prisoners, Special Colonists and Convicts]. *Mir Rossii*, no 4.